
ПУТИ К СОВРЕМЕННОСТИ: ИДЕЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (Реферат)

Drogi do nowoczesności: Idea modernizacji w polskiej myśli politycznej / Pod red. Kloczkowskiego J., Szuldrzyńskiego M. – Krakow: Ośrodek myśli polit.; Wyższa szkoła europ. im k.s. J. Tischnera, 2006. – 249 s. – («Pol. tradycje intelektualne»; 2).

В июне 2006 г. в Кракове в рамках программы «Идея модернизации в польской политической мысли» была проведена конференция с таким же названием. Тезисы выступлений на этой конференции были развернуты в статьи, представленные в реферируемой книге. Авторы статей описывают и анализируют дискуссии о модернизации, которые велись на протяжении столетий польской истории, начиная с периода упадка I Республики Польша и кончая новой посткоммунистической III Республикой Польша¹.

Книга состоит из четырех частей. В части I «Модернизация в период упадка Первой Республики Польша» рассматриваются размышления о модернизации в эпоху кризиса суверенности польского государства с 1698 по 1795 г. (в 1795 г. Польша перестала существовать как самостоятельное государство). В части II «Дилеммы

¹ В посткоммунистической Польше в названии страны вместо современного термина «republika» используется историческое «Rzeczpospolita» (республика). В 1795 г. после раздела между Австрией, Пруссией и Россией прекратила существование Первая Республика Польша – I Речь Посполитая (I Rzeczpospolita).

II Республика Польша просуществовала с 1918 по 1939 г.

С 1989 г. начинается история III Республики Польша. – *Прим. реф.*

модернизации в XIX – начале XX в.» описываются интеллектуальные дебаты представителей польской политической мысли этого периода. Часть III «Критика идеи модернизации» посвящена анализу публикаций польских консерваторов на протяжении XIX в. и в период II Республики Польша, в том числе публициста, историка и писателя Теодора Хочиньского (1854–1920).

Польские споры о модернизации имеют много общего с размышлениями политических мыслителей других, прежде всего европейских, стран. Однако польские дебаты в чем-то уникальны, более того, они не имеют прецедента потому, в частности, что велись на территории, более ста лет не являющейся самостоятельным государством. В этих дебатах не могли не учитываться модернизационные проекты каждого из трех государств, поделивших Польшу. Эти польские споры о модернизации не укладывались в стереотипные упрощения и стереотипные противопоставления: правого – левого, прогрессивного – консервативного и т.п. Однако именно такие упрощенные подходы характерны для сегодняшних польских дискуссий о модернизации, участники которых зачастую игнорируют национальные интеллектуальные традиции.

Часть IV «Модернизация в Польской Народной Республике и III Республике Польша: новые подходы или старые утопии?» посвящена анализу актуальных дискуссий. Реферируются материалы, представленные именно в этой части.

1989 год, отмечают во «Вступлении» (с. 7–11) сотрудники Высшей европейской школы им. И. Тишнера (г. Краков) Яцек Ключковский и Михаил Шульджинский, открыл перед Польшей невиданные возможности для модернизации страны. Ситуация была идеальная: только определи приоритеты, выбери стратегию и начинай модернизацию. На деле все оказалось гораздо сложнее. Прежде всего, конечно, сейчас Польша уже не та бедная, технологически и структурно отсталая страна, какой она была к моменту падения коммунизма, однако, по мнению авторов, модернизацию по-польски можно считать лишь частично успешной. Во-первых, слишком много социальных групп польского населения оказалось на обочине перемен: приспособление миллионов граждан к новой ситуации идет очень болезненно. Во-вторых, во многом не удалось использовать польский потенциал, ибо вместо поисков собственного национального разрешения проблем предпочтение было отдано

способам, успешно апробированным в других, существенно отличающихся от польских, условиях. В-третьих, было сохранено слишком много системных устройств, доставшихся в наследство от прежнего коммунистического режима, к которым к тому же добавились новые, зачастую столь же патологические. В-четвертых, и на это следует обратить особое внимание, неспособность сформулировать опирающуюся на широкий консенсус стратегию модернизации привела к тому, что ее осуществление проходило при недостаточном публичном контроле.

В конце концов в Польше была принята стратегия модернизации, которая не только нацеливала общество на создание современных эффективных институтов и революционные изменения в инфраструктуре, но и подразумевала основательные изменения в сферах культуры и нравственности, а это и стало полем для непримиримых противоречий.

Сегодня все более усиливается убеждение в том, что нельзя проводить модернизацию в отрыве от ценностей и традиций, разделяемых большей частью общества. Огромный модернизационный потенциал современных экономических и технологических новаций в Польше может быть реализован только при учете заложенных польской культурой представлений и моделей поведения, опирающихся на традиции и обычаи, укорененные в консервативных представлениях индивида и польского социума.

Анализ дискуссий о модернизации, которые велись в Польше с конца XVII в. и ведутся в настоящее время, не позволили авторам статей, отмечают Я. Клочковский и М. Шульджинский, выявить рецепт модернизации, который устроил бы представителей всех идейных лагерей, политических сил и групп интересов. Пожалуй, только в одном сошлись все: модернизация может осуществиться, если удастся избежать ловушек догматизма и чрезмерной идеологизации, если ее вдохновители и исполнители смогут соотносить свои идеалы с действительностью и будут при этом опираться на национальные традиции как фундамент преобразований.

Миловит Куниньский (сотрудник Института философии Ягеллонского университета, руководитель Центра политической мысли) в статье «Представления о модернизации Польши и их реализация» (с. 175–192) дает определение: «Под модернизацией обычно понимают процессы социальных, экономических и поли-

тических изменений и их зеркальные отражения в сфере культуры, когда после более или менее длительного спокойного развития общества происходит резкое ускорение темпа изменений во всех сферах жизни и в течение сравнительно короткого времени возникают явления, принципиально новые качественно и количественно. Эти изменения могут быть эндогенными или экзогенными. Во втором случае для объяснения этих изменений необходимо проводить различия между центром и периферией, которая начинает усваивать через подражание или в результате культурного, политического и экономического навязывания центром новые аксиологические и организационные принципы» (с. 175).

Именно такое понимание модернизации позволяет адекватно идентифицировать модернизационные процессы даже в отдаленном прошлом и не препятствует уяснению их специфики в западных и незападных обществах. В полной мере это относится и к ситуации в Польше, особенно на этапе крушения коммунизма и на начальном этапе фазы посткоммунизма. Ключевым для понимания польских вариантов модернизации является признание периферийности экономического развития стран, лежащих к востоку от Эльбы.

Здзислав Краснодембский (сотрудник Бременского университета) в статье «Модернизация по-польски» (с. 182–209) отмечает, что трансформация польского общества после 1989 г. является третьей пробой модернизации в Польше на протяжении XX столетия.

Первая модернизация началась в 1918 г. после обретения независимости. Главными целями стратегии развития в тот период стали обеспечение обороноспособности и укрепление суверенности. При этом речь шла не только о военной силе и новой внешней политике, но также о культурной и национальной интеграции, ибо на территории страны оказались значительные национальные меньшинства, в первую очередь украинцы и немцы, повлиявшие на польскую государственность.

В тогдашней стратегии модернизации экономическая политика была подчинена политическим целям, одновременно являясь фундаментом для реализации этих целей: суверенность не могла быть полной без экономической независимости. Нужно было строить польский капитализм, а для этого необходимо было про-

водить экономическую политику, которую один из современных исследователей назвал «экономическим национализмом» (с. 193).

Насколько успешной оказалась эта экономическая политика – вопрос спорный. Дело в том, что, несмотря на несомненные экономические достижения, Польша осталась страной бедной, значительно отставая от наиболее развитых стран Европы. Безусловным достижением стало формирование новой элиты: II Республика Польша оказалась очень продуктивной в сфере культуры, притом настолько, что достижения в области литературы, философии или социологии не идут ни в какое сравнение с тем, что имеет Польша после 1989 г. «Не подлежит сомнению, что такие особенности современного культурного кода, как активизм, индивидуализм, универсализм и рационализм, в полной мере проявились в культуре II РП, конечно, в специфической для польской культуры форме» (с. 194). Польша в период II РП была ближе к цивилизационным центрам, чем во время ПНР и даже III РП.

Второй пробой в XX в. стала коммунистическая модернизация, хотя ее стратегия прямо противоположна предыдущей предвоенной стратегии. Одна из сложных проблем для II РП уже не существовала в ПНР: в результате трагических событий Второй мировой войны и изменения границ не стало национальных меньшинств, Польша превратилась в почти мононациональное государство. Однако она не стала национальным государством, ибо утратила *де-факто* суверенность, превратившись в периферию советской империи.

Для коммунистических властей национальный характер капитализма отошел на задний план, так как главного врага они видели в капитализме как таковом. Важными целями коммунистической модернизации были ликвидация социального расслоения, устранение предвоенной элиты, создание эгалитарного общества. Культурный код коммунистического режима оказался при этом не только современным, скорее он был даже гиперсовременным, до своего практического воплощения были доведены принципы европейского Просвещения. В первые годы режим пропагандировал что-то вроде коллективного пуританизма, своего рода коллективистский эквивалент веберовской протестантской этики. Идеалом стал дисциплинированный, аскетичный хозяйственник. Труд рассмат-

ривался как фундаментальное преобразование действительности – и природы и истории.

Фактически это была аскеза без индивидуализма и без капиталистического предпринимательства. Но так было только на начальном этапе коммунистического режима. Уже на следующем этапе коммунистической модернизации, когда Э. Герек начал строить «другую Польшу», на смену коллективному пуританизму пришла пропаганда потребления и обогащения, что не могло не привести к разложению ПОРП и режима в целом, ибо конкурировать с «Западом» на этом поле значило заведомо обрекать себя на поражение. Впрочем, нет худа без добра: начала формироваться рыночно ориентированная посткоммунистическая элита.

Коммунистический режим довел до логического конца стратегию модернизации, основывающуюся на закрытости от мирового рынка, на стремлении к автаркии, правда, в рамках «социалистического лагеря», на протекционизме и гиперактивной роли государства в деле индустриализации страны. Рациональность в этот период была рациональностью единственно подлинно научной теории, объясняющей историю и мир, – марксизма-ленинизма. Эта рациональность была сугубо светской, поскольку религия отождествлялась с иррационализмом и суеверием. Такой культурный код противоречил традиционным польским представлениям и приходящим с Запада новым идеям и образцам. Коммунистический режим в сфере культуры оказался непродуктивным.

После 1989 г. «модернизация» в Польше стала пониматься как «возвращение» в Европу, в «нормальную» жизнь. Исходили из того, что существует одна обязательная для всех модель демократии и рыночной экономики. Проблема была лишь в том, как претворить в жизнь эти модели. Приоритет был отдан не политике, а экономике, поскольку считалось, что демократию строить легче, чем капитализм. Польша уже была капиталистической после 1918 г., коммунисты уничтожили капитализм, теперь (после 1989 г.) его нужно отстроить заново – и это казалось простым делом, ведь в отличие от социализма капитализм является «естественным продуктом» истории. Считалось, что как только эта цель будет реализована, Польша автоматически начнет догонять развитые западные страны.

В стране не было проведено широких дискуссий о модели рыночной экономики, о типе капитализма, который должен быть в Польше, о промышленной политике государства. Воплощением рациональности стала экономика, а политика начала рассматриваться в качестве источника иррационализма. Такое отношение к политике объясняется не столько непрекращающейся борьбой партий, сколько представлениями о роли государства, которое уже не воспринимается как один из акторов, действующих во имя реализации долгосрочных национальных целей, а изображается скорее как возможное препятствие на пути модернизации экономики: государство модернизирует экономику, ограничивая свое участие в этом процессе. Общество в связи с этим становится объектом модернизационных усилий элит, а не субъектом изменений, и естественно, что традиция воспринимается как балласт, а не мотор изменений.

С таким пониманием роли государства стратегия модернизации III РП вроде бы прямо противоположна стратегии коммунистической модернизации. Однако обе стратегии роднит недоверие к политической активности общества и экономический детерминизм, в последнем случае выступающий как магическая вера во всемогущество рынка. В конце концов оказалось, что III РП значительно меньше идейно и культурно дифференцирована, чем II РП, в частности, потому, что сейчас однозначно доминирует «польский либерализм».

Выбор стратегии модернизации зависит от того, какие ответы будут даны на вопросы: в чем причина отсталости Польши; почему поляки постоянно оказываются перед одними и теми же проблемами, несмотря на столько попыток разрешить эти проблемы; может быть, Польша обречена на отсталость?

Здзислав Краснодембский убежден, что польский культурный код никогда не отставал от современности. Направления европейской культуры всегда присутствовали в Польше не меньше, чем в странах, принадлежность которых к «Западу» сегодня не подлежит сомнению, например, в Скандинавских странах. Многие проявления, воспринимаемые как признаки отсталости Польши, скорее следует рассматривать как своеобразную национальную версию культурного кода современности. Польская версия рационализма, например, отличается от рационализма французского, отшлифо-

ванного в остром противостоянии с католицизмом, от рационализма немецкого с доминированием великих философских систем, являющихся трансформацией христианских традиций. Польский же рационализм – это рационализм *здравого смысла* (common sense).

Вместо того чтобы выяснять, обречена ли Польша на отсталость, может быть, замечает автор, уместно поставить провокационной вопрос: а вообще нужна ли Польше модернизация?

В социологическом смысле Польша не относится к числу традиционных стран. Да и в сегодняшней модернизации речь не идет о переходе от традиционного к современному обществу. Скорее можно вести речь о «второй» модернизации. Для Польши проблема в «островном» характере польскости, а не конфликте польскости и современности. Что касается противостояния традиции и современности, нужно уяснить, как конкретные традиции влияли на темпы и направление развития конкретного общества, как помогали адекватно реагировать на приходящие извне вызовы модернизации.

Социологи (Э. Гидденс, У. Бек, З. Бауман), утверждающие, что модернизация – это детрадиционализация, допускают тем не менее, что традиции не исчезают, более того, современность сама порождает новые традиции. Либеральное понимание свободы, особенно в польском посткоммунистическом варианте, в определенной мере тормозило модернизацию Польши, ибо затрудняло коллективные усилия, в том числе с участием государства. Кстати, недовольство, порождаемое плюрализмом групп интересов, экономическая модель политики, т.е. доминирование экономики над политикой, могут в перспективе оказаться полезными для Польши.

Сегодня польское государство демонстрирует все черты слабого периферийного государства. Оно должно вновь стать государством, проводящим активную политику развития, не ограничивая свою роль налоговой сферой и привлечением западных инвесторов за счет сохранения в стране низкого уровня оплаты труда, что сегодня стало бессмысленным, ибо открытие европейского рынка труда привело к массовой эмиграции поляков. Иначе говоря, то, что рассматривалось как гигантский плюс (вступление Польши в ЕС), становится настоящей социальной, экономической и национальной угрозой.

Польское государство должно участвовать в создании инфраструктуры. Пример со строительством автострад показывает, насколько ошибочным было отдать эту сферу частным предпринимателям. Государству следует проводить активную промышленную политику, например, через инвестиции в отдельные высокотехнологичные отрасли, которые могли бы стать польской специализацией. Без активной роли государства, только полагаясь на законы рынка, невозможно совершить экономический прорыв. При этом речь не идет об ограничении рыночных механизмов, но об активном участии в них государства и, конечно, о создании возможностей для развития польского капитала.

Таким образом, на очереди, на подходе четвертая проба модернизации, воплощением которой может стать проект IV Республики Польша. В IV РП кардинально изменится роль государства. «Следует модернизировать стратегию модернизации, освободить ее от догм, коренящихся как в давних исторических комплексах, так и в посткоммунистической ментальности, приспособить ее к подлинным польским потребностям и интересам. Только в этом случае, – заключает З. Краснодембский, – мы займем достойное нас место в Европе как один из великих народов» (с. 209).

Л.Н. Верчёнов